

Юрий Колкер ВЕТИЛУЯ

Юрий Колкер
ВЕТИЛУЯ

Г Е Л И К О Н П Л Ю С

Юрий Колкер

ВЕТИЛУЯ

Стихи,
написанные
в Англии

ГЕЛИКОН ПЛЮС
Санкт-Петербург
2000

Колкер, Ю.

Ветилуя: Стихотворения. — Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2000. — 104 с.

ISBN 5-93682-004-1

Книга издана при поддержке
Леонида Резникова (Денвер, штат Колорадо)
и денверской газеты *Горизонт*

© Юрий Колкер, текст, 2000

© «Геликон Плюс», макет, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕТИЛУЯ

Ничего не случилось	12
«Всё влажно в стране островной...»	13
Лаваново служенье	14
1. «Поблизости Темза течёт...»	14
2. «Многолюдная река...»	14
3. «Свидетель ужасного века...»	15
Над рукописью в Амстердаме	16
Уткина дача, ночь	18
«Материнскую твердью...»	19
«Ответь, мудрец...»	20
«По утрам в полях столько слез...»	21
«Жизнь беспримерна. Пролитай века...»	22
«Возьми в моём люблю не фабулу, не слово...»	23
«Уж если читать, так поэтов. Прозаик солжёт...»	24
«Свою вторую жизнь он так решил прожить...»	25
Ориенталии	26
1. «Неужто выживем? Непостижим...»	26
2. «Обыденная жизнь в стране необычайной...»	27
3. «Из мест, где снега и вороний грай...»	28
Анно Доміні	29
«Молодость склонна к эпосу – значит, к утрате...»	30
«Кто годы страшные со мною не делил...»	31
«Истина, какой она мне чудится...»	32
«Не ты ль, Авзония, убийство возвела...»	33
«Передай генотип и умри...»	34

«Бездельник любит лезть, а тот, кто домовит...»	35
«Смерть станет родительским кровом...»	36
«Разве я поумнел? Ничего не прибавили годы...»	37
«Настанет день, и родины не будет...»	38
«Рядами стройными они идут...»	39
«Страданье – это жизнь: кто не страдал, тот не жил...»	40
«На Петровском острове я шалил...»	41
Берсерк	43
Эпаминонд	44
«На голых ветвях, при мерцании звезд...»	45
«Чувством глубоким и словом возвышенным...»	46
«Душе и долгу подчиняя тело...»	47
«Покуда длится чудо предпочтенья...»	48
Видсид	49
Поездка на Джарылгач	51
«Жизнь кончилась, а человек живет...»	54
«Волну и фотон возлюбил Господь...»	55
«Висит хвостатая звезда...»	56
«Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд...»	58
«Дружбы сторонится Аристид...»	59
«Сладко уразуметь, как прядут и ткут...»	60
«Твой ангел овдовел и просит подаянья...»	61
День гнева	62
«Куда как просто Фауста сыграть...»	67
«Река Тамесис в той земле текла...»	69
«По улицам ночным, в трамвае дребезжащем...»	71
«В канцелярии Бога...»	72
«Она отвечала на брошенный взгляд...»	73
«Мы возводили Вавилон...»	74

Рог, чаша, спираль	75
«Те двое никогда не разлучались...»	77
«Жизнь мельчает – и, знаешь ли, это...»	80
«Умрём – и английскую станем землёй...»	81
«Или влюблён, иль беден – одно из двух...» ...	82
Однокласснику	83

Из книги *ЗАВЕТ И ТЯЖБА*

«Грустно шотландцам. История не удалась...» .	87
«Противится твоя совесть, велик соблазн уклониться...»	88
Вослед за Персефоной	89
Иванова ночь	94

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

ЛЮБОВЬ. Из Д. Герберта	99
ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ. Из П. Б. Шелли	100
ПОКОЙ. Из У. Г. Дэвиса	101
АТАКА ЛЁГКОЙ КАВАЛЕРИИ. Из А. Теннисона .	102

ВЕТИЛУЯ

Когда всё кругом склоняется к ногам нового господина, для спасения народной чести иной раз бывает довольно крохотной горной крепости, в которой просто живут по-старому – скажем, не отрекаются от родителей и чтут третью заповедь. Об одной такой крепости мы знаем из Библии и от Пушкина:

И над тесниной, торжествуя,
Как муж на страже в тишине,
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Защитники крепости сражаются не ради славы и не во имя победы. Не обладая гением Александра или добродетелями Юдифи, они обыкновенно гибнут, но их оплот, сколь бы ни был он мал, и в руинах остается Домом Божьим, Ветилуей. Однако случается и так, что несметное в своих силах язычество, охваченное внезапным ужасом, откатывается от стен крепости назад, в свою Ниневию.

22.06.99

Ю. К.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Иная жизнь идёт, иная смерть маячит,
Сместился небосвод, звезда улыбку прячет,
А ты – всё тот, что был: странноприимный бал
В тебе не потеснил отеческих начал.

В пенатах, ты слышал, большие перемены:
Клиент патроном стал, патрон сошёл со сцены,
Убавилось идей, прибавилось забот,
И выборный злодей в чести не круглый год.

И славно, в добрый час. Кипи, столпотворенье!
По счастью, есть у нас иное измеренье.
Твой дом не на песке, покуда Геликон
Всё в том же уголке, где был он испокон.

1995

Всё влажно в стране островной, всё подвижно,
всё живо,
Ландшафты ее хороши, небосвод ее светел,
Деревня сияет довольством, ухожена нива,
И в городе – злобы и розни мой взгляд
не заметил.

Тут родину вспомнить бы мне, но ни вздоха,
ни слова
Душа моя с нею связать, как ни бьётся, не в силах.
Ни доброго память вернуть не желает, ни злого, –
Как будто и не было там ни родных, ни постылых.

1992

ЛАВАНОВО СЛУЖЕНЬЕ

1

Поблизости Темза течёт –
Но времени нету,
А то, что осталось, влечёт
Не к Темзе, но в Лету.

В пятнадцать считаешь века,
А в сорок – оброки.
Должно быть, прекрасна река,
Да нет к ней дороги.

Уставшему лямку тянуть
Немного и надо:
На вольную реку взглянуть –
Какая отрада!

А впрочем, и так – ничего...
Он тянет – и знает,
Что там, за квартал от него,
Река протекает.

2

Многолюдная река
В этом царстве протекает.
Моя правая рука
Понемногу отсыхает.

Я не помню ничего.
Целой не донёс посуду.
Каково здесь? – Дурново.
Свет хорош, да мрак повсюду.

Раб и князь в одном седле,
Вождь и тать в одном бараке.
Прав Кюстин: по всей земле
Человеки одинаки.

Что ж, отпустим удила,
Потрусим, пока не скрутит.
Эта жизнь, считай, прошла.
Счастье, что другой не будет.

3

Свидетель ужасного века,
В последнем счастливом краю
Под сенью Союзного Джека
Я жизнь доживаю мою.

Она удалась с оговоркой.
Вздыхнут над могильной плитой
Святые Андрей и Георгий,
Посетует Патрик святой.

НАД РУКОПИСЬЮ В АМСТЕРДАМЕ

Вставала полная луна.
В белила окунало
Кривую ветку у окна
Над зеркалом канала.
Душа моя была полна –
И знать меня не знала.

Гекаты страшной теплотой
Переполнялись вены.
Творился заговор святой,
Навет благословенный, –
И шар, нектаром налитой,
Катился над вселенной.

Была восполненным звеном
Адамова глагола
Кривая ветка под окном
Гостиницы *Аполло*.
Точил созвучья метроном
Предвечного престола.

Воды, деревьев и камней
Был сладок гимн хвалебный.
Не выпало мне ласк нежней,
Мелодии целебней.
Языческим началом дней
Дышала ночь в молебне.

Кривую ветку у окна
Размеренно качало.
Я знаю: смерть мою она
В тот час обозначала –
Зато и жизнь была полна
Впервые от начала.

1994

УТКИНА ДАЧА, НОЧЬ

В графском доме коммунальном
Тихим пеньем поминальным
Дверь печальная скрипит,
Светлый мрак в окне чердачном
Привиденьем новобрачным
Соблазнительно скользит.

А в конюшне сопредельной,
Ставшей газовой котельной,
Там, уединеню рад,
Сладкой мыслью увлечённый,
У котла сидит учёный,
Сочиня самиздат.

Он сидит, нетленку пишет,
Топка ровным жаром пышет.
Вся-то жизнь ему ясна
Сквозь шальные упованья
Под ночные помаванья
Из чердачного окна.

1995

Б. Х.

Материнскою твердью
Осеняет Глагол.
Между жизнью и смертью
Он тропинку нашёл.

Сладкогласна основа.
Всякий вздох – волшебство
В сочетаньях родного
Языка твоего.

Задушевной свирелью
Отзовётся хорей
Над твоей колыбелью
И могилой твоей.

Пусть невнятны значенья:
Чем случайней, темней –
Тем страшней приключенье,
Тем добыча верней.

Пусть болгарин Мефодий
И халдейское *ша* –
А заёмных мелодий
Не желает душа.

От себя не отступим
Ни в каком далеке.
Мы страдаем и любим
На родном языке.

1995

– Ответь, мудрец... – Так начал повелитель,
Но тот не дал закончить: – Погоди!
Ты высоко меня не возводи.
Я не мудрец, но мудрости *любитель*.

Скажу и я: среди горестей простых
Родной очаг оберегал я честно.
Кем был? Бог весть. Доподлинно известно,
Что я не почести любил, а стих.

Молитвами, созвучьями и сердцем
Живущему – *от них* не стоит жить.
Нельзя обол у Феба одолжить.
Любви не растолкуешь иноверцам.

1995

По утрам в полях столько слез,
Что в счастливом этом краю
Сам собою встаёт вопрос:
Так ли жизнь ты прожил твою?

Отпущу собаку с ремня,
В гору медленно поднимусь,
Вспомню тех, кто любил меня,
Прощаюсь и повинюсь.

Не щедрот я в жизни искал,
А единства и полноты,
Да не выдалось: храм упал,
Над рекой развели мосты.

А другая, лютая власть,
Та, что с детства душу вела,
Циклопически удалась:
Всё повыжгла во мне дотла,

Волю, разум, любовь и честь
Закавычила в кандалы,
И один я стою, как есть,
Посреди моей Шамбалы.

1994

Жизнь беспримерна. Пролистай века,
Помешкай в Лувре – и листай сначала:
Мы там с тобою, где ничья нога
От сотворенья мира не ступала.

На выдохе Эрата осеклась,
Бессонные у Мельпомены бденья,
Не отрывает Клия жадных глаз –
Вовек не знавшая недоуменья!

Припомни юность: кто помыслить мог,
Что и для нас возведены чертоги?
Что станет Баальбеком Таганрог,
И мы еще помедлим на пороге?

Не чудо ли? Упала пелена –
И твердь над коммуналкой воссияла.
Без нас природа не была полна,
В ее садах волшебных не хватало

Колумбу – странствий, Казанове – дел
Сердечных, тел небесных – Галилею...
Гроша не дам за чудный их удел!
За наш вертеп – души не пожалею.

1994

Возьми в моём *люблю* не фабулу, не слово,
Не Эльдорадо ласк, а вечный капитал.
Я верю всей душой: блаженства столь живого
Никто и никогда ни с кем не обретал.

За вечностью, в садах, где Мойры шерсть овечью
Сучат на звёздный плед и птичий алфавит,
Меня окликнешь ты, и я тебе отвечу,
И мой ответный зов пространство искривит.

.1995

Уж если читать, так поэтов. Прозаик солжёт,
И правду сказав, а поэт, и всплакнув,
осчастливит.

Душой затевается звуков блаженный комплот,
От сердца исходит порыв – и певец
не сфальшивит.

Не слишком изыскан был харьковский
этот старик,
Но, болью напутствуем, гневом воодушевляем,
Любовью ведом, он в заветную область проник, –
И мы с благодарностью книгу его прочитаем.

1995

Свою вторую жизнь он так решил прожить:
Себе – с оглядкой на ближнего – служить,
Тщеты и суеты не числить наслаждением,
Спокойный диалог затеять с провиденьем,
С первичной скудостью свой век соотносить,
Расчислить радости до смерти неизбежной,
Свечу под колпаком нести во тьме кромешной...

Разумный эгоист – что ангел во плоти.

Аскеза – вот соблазн и праздник небывалый
В разнузданной ночи Гоморры одичалой.
Океанический, творительный покой...

(На первую – давно уж он махнул рукой.)

1995

ОРИЕНТАЛИИ

1

Неужто выживем? Непостижим
Схвативший нас водоворот событий –
И пощадивший. Бочка под скалой.
Нас чудом вынесло на милый берег.
Дно высажено, жалкие пожитки
В камнях рассеяны, а в стороне
Еще родная злобствует стихия.
Но этот древний, выстраданный воздух
Уж слишком полон мыслью, слишком сладок,
Чтоб нам его могло недоставать...

Вавилонянин Мушезиб Мардук
Не нам ли шлёт поклон тысячелетний?
Он торговал на этих берегах,
А нам велит обзаводиться домом,
И мы попробуем...

Едва укладывается в сознании,
Где мы живём. Переверни бинокль
И посмотри – сквозь камни Хасмонеев,
Сквозь пыль Рамсесов и халдейский зной –
Туда, на жмущееся к стенке детство,
Картавое, в обидах, синяках,
Прозреньях и надеждах горделивых...
А там – прогорклый коммунальный быт,

Сопенье примусов и керосинок,
Булыжный двор, сараи дровяные...
Неужто это было наяву?

Сентябрь. Хамсин. Палящая жара.
Слепяще бел иерусалимский камень.
Ты отправляешь дочку в магазин
За хлебом, сливками и кока-колой –
И не отвешиваешь серебро,
А жёлтую хрустящую бумажку
Суёшь ей в руку: это десять *сиклей*...

2

Обыденная жизнь в стране необычайной
Трудна еще и тем, что песня стеснена.
Здесь жезл миндалевый пронёс Иеремия –
Поймём ли, отчего так сокрушался он?
Освенцим, может быть, провидел, Хиросиму,
Эпоху дискотек... Избранничества дар
Тяжёл: поди посмей возвысить тут свой голос
На скифском языке!..

А всё-таки решусь: вон виноградник, там
И в полдень уголок тенистый мы отыщем.
Мне Суламифь туда дорогу указала.
Ее пророчеству не нужен перевод,
Как земледелию – истолкователь...

Из мест, где снега и вороний грай,
Под старость попала ты в чудный край,
Гортанный, песчаный, кривой, верблюжий,
С жарой азиатской, с летейской стужей.

Слова, согревавшие душу там,
Сюда залетели, как птичий гам,
Пожухли под солнцем, осоловели, –
Глядишь, и могилу твою обсели.

Когда до меня докатилась весть,
Уж ты трое суток была не здесь,
Где листья акаций белы от пыли.
Лишь раз мы увиделись, поговорили.

Прости же... Позволь отлетевших птиц
Созвать с площадей мировых столиц.
Найдётся им пища и здесь, в Заречьи:
Я буду кормить их до новой встречи.

ANNO DOMINI

Что этот год?! Пройдут и миллионы...
Геологический возникнет слой,
Машины в нём растают и колонны,
Пророчества отложатся золой.

Шепни, Тейяр, какими племенами
Сверкнет вселенная в последний раз,
Какие существа пройдут над нами
И к динозаврам приравняют нас?

Наш труд и стыд, влюблённость и беспечность
Суглинку станут крепью меловой,
Державинскую плюшевую вечность
Похоронив у нас над головой.

1994

А. Г.

Молодость склонна к эпосу – значит, к утрате,
К долгой разлуке, к неутолённой любви.
Троя – вот ее нерв: там Зевс на подхвате,
Стройный сюжет, замешанный на крови.

Самоубийство ей кажется сильным ходом –
Правда, всё реже: всё-таки век не тот.
Скучно с милой квитаться или с народом,
Зная: Олимп и бровью не поведёт.

Помню, бродил я по городу днём погожим,
Ссору лелея и втайне собой гордясь,
А Каллиопа, дряхлея, врала: – Отложим!
Выдюжим, лишь бы пряжа не порвалась.

Молодость мнит, в закон возвышая частность,
На поколенья вперед закупить места.
Биологическая целесообразность –
Вот ее неподсудная правота.

Если бы старость могла, а молодость знала!..
Впрочем, формулу можно и развернуть:
В чём-то ведь правду гречанка мне нашептала:
Лишь к тридцати мы умеем подковы гнуть,

Лишь к сорока сообщается нам дорога...
Кто в Лабиринте шишек успел набить, –
Тот, поостыв, человека, страну и Бога
Только взаимной любовью готов любить.

1995

– Кто годы страшные со мною не делил
На шаткой палубе, на улице Шпалерной,
Те для меня никто, – угрюмо я твердил
В гордыне суетной, в неправде суеверной.

Но век так явственно свернул себе хребет,
Мы так разительно переменились оба,
Что ни возмездья мне, ни оправданья нет, –
И тех, кого любил, не разлюблю до гроба.

1994

Истина, какой она мне чудится,
Заново под звёздами не сбудется.

Звуков я хотел тактильных, вяжущих,
Вещих, всё единым духом скажущих,

Простоты – пленительней, чем странности,
Нераздельности и неслиянности...

Говорили шепотом и начерно –
Вот и сглазили: вконец растрачена.

1995

Не ты ль, Авзония, убийство возвела
В языческий обряд – и чуть ли не с амвона?
А дни перикловы? Воздушна и светла
Над кровью и чумой громада Парфенона.

Как уживаются жестокость с красотой?
Как две родных сестры. Двойняшки – не роднее.
В наш век не оживить их алгебры простой.
Отяжелев, мы сделали нежнее.

1995

Передай генотип и умри:
Вот и всё. Только это
Звёзды шепчут нам, и буквари,
И скрижали Завета.

Проиграл, кто не мечет икры.
На пиру и в постели
Мы – невольники страшной игры
Без объявленной цели.

Я – не я: коллективная плоть,
Земноводные ночи.
Милосердый и правый Господь
Отвратил свои очи.

Помнишь снимок тот школьный? На нём
Мы стоим, чуть стесняясь,
В нуклеиновый вязкий Мальстрём
На глазах погружаясь...

1995

Бездельник любит лесть, а тот, кто домовит,
Тот циркуль и отвес хвале предпочитает.
Да вычленится мысль – и душу нам живит! –
И муза в портике Евклида обитает.

Что сердцу ведомо, то словом уясним.
Непреходяще мил живого смысла скрупул –
Из хлябей и сует возносится над ним
Число усвоивший молитвоёмкий купол.

1995

Смерть станет родительским кровом,
Где путника ждут за столом,
Утешат приветливым словом,
Согреют сердечным теплом.

Войдёт он в просторные сени,
В покой, где светильник горит,
Уткнётся родимой в колени,
Заплачет от счастья навзрыд...

Жизнь станет бедой подростковой
В навек уязвленной душе,
Пустынею солончаковой, –
И, в сущности, стала уже.

1995

Разве я поумнел? Ничего не прибавили годы,
Кроме горьких обид, отвращения к себе да стыда.
Долго ль так вот и буду тащиться с моим *никогда*
Катакомбами детской беды, стариковской
невзгоды?

Тупиком эволюции всех нас мыслитель назвал.
Он исследовал многое, многим служил идеалам,
Воевал, сочинял, большевичил – и полным
провалом,
Инфернальным концом не такую судьбу увенчал.

1997

Настанет день, и родины не будет –
Не для меня или тебя: для всех.
Сиротство воссияет без помех
И ласку материнскую остудит.

Умолкнут голоса, воссядут знаки.
Разучимся беседовать, гулять,
И энтропия явится во фраке
Вселенский Вавилон осуществлять.

Ни Дона мы не зачерпнём, ни Рейна,
Ни отработанных летейских вод.
Не поняли предсмертных слов Эйнштейна –
Глядишь, и Бог молитвы не поймёт.

Ни ближних не останется, ни дальних,
Ни колокольчика, ни василька.
Последний звук родного языка
В пространствах захлебнётся дигитальных.

1995

– Рядами стройными они идут,
Увенчаны, в хламидах белоснежных!..
А кто вон там, в одном ряду с Гомером?

Ах, Прохоров! Как странно. Не слышал
И обхожусь... точнее, обходился.
Скажи-ка мне, а где тут Стратановский?

При жизни, помню, был он телом хил
И невысок, – всегда стоял в конце,
Когда в линейку по ранжиру нас

Выстраивал учитель физкультуры...
Неужто он? Поверить невозможно!
И – раз уж ты уходишь в их ряды –

Позволь задать тебе вопрос последний:
К чему устроен этот плац-парад?
Уж здесь-то я не ожидал такого

И чуть смущен... Встречают, говоришь?

1999

Страдает тёмный зверь...

Страданье – это жизнь: кто не страдал,
тот не́ жил.

Не стану уверять, что я тебя утешил.
Банален мой пассаж, бессилён объяснить
Благополучных дней мучительную нить.
Ты в той же колее. Натянуты постромки.
Быть может, золотым сочтут наш век потомки,
Но сам ты, вглядываясь в жалкую судьбу,
Едва ли выкажешь сочувствие рабу,
Поскольку очень уж обычна повесть эта,
И страшно далеко тебе до Эпиктета.

1995

А. В.

На Петровском острове я шалил
И на Ждановке между льдин тонул.
Рано крылья ангел мой опалил,
В полынью холодную окунул.

Детство – это исповедь и Содом,
Тишина нездешняя, глубина.
Что душе, зашедшейся подо льдом,
Ваши революция и война?

Было мне, утопленнику, семь лет.
Я в жару полмесяца пролежал.
Попустил заоблачный мне триплет,
К вечности картавинку подмешал.

Ломовое небо над нами шло,
Одина и Велеса фестиваль,
Время словно судорогой свело –
А в крови текла, закалялась сталь...

Если наслаждения суть грехи,
Не простятся мне из Его даров
Терпкий запах корюшки от реки,
Тополиный пух да отцовский кров.

Ту страну судьба как метлой смела,
И лежит копилка с пробитым дном,
Но была любовь – и она была
В том раю, булыжном и дровяном.

1995

БЕРСЕРК

В быту уступчив он и мухи не обидит,
И обликом – души поэта не восхитит,
Предупредителен, слегка угрюм и сух, –
Но в битве воина преображает дух –

И словно бы в купель безумства окунает.
Не чувствует он ран и устали не знает –
И доблестных мужей десятками крушит,
И войско от него отважное – бежит!

Как если б знанием нездешним осеняем,
Кровавый Моисей, извергнутый Синаем,
В один кромешный миг низводит он века
И всю вселенную – на лезвие клинка.

Но с ним одна беда: он слеп на поле боя.
Всяк воин брат ему. Их скопище любое –
Призыв на страшный пир. Не различая их,
Он, перебив чужих, берется за своих.

И в этом правда есть, высокая и злая.
Любезна Одину порода удалая,
Но те, кто дерзостны, ответ держать должны
И перед гением взыскующим – равны.

1999

ЭПАМИНОНД

Две бессмертных дочери: Левкра и Мантинея...
Хиросима и рядом не встанет: она – не дочь,
Или, лучше, спросим: чья она дочь? кто с нею
Попрощается, отправляясь в сплошную ночь?

Франсуа-моралист поучает нас: – Не Вергилий
(он всего лишь поэт), полководец живёт в веках. –
Из реки времён уж каких мы капель ни пили –
Мы, живущий и страждущий изначальный прах!

Род певцов измельчал, мы с тобой ничего
не стоим,
Мы построены клином, прекрасен меж нас один,
Он окинет фалангу взором, махнёт героям –
И в свинцовые воды косою углубится клин.

1995

На голых ветвях, при мерцании звезд
Не спит до утра обезумевший дрозд,
Хвалебную песнь вознося фонарю.
В неоновом свете он встретит зарю.

Природа обманута. Птица поёт
И губительной истины не сознаёт.
Убогий мирок отвоёван у тьмы.
Пичуга не вынесет этой зимы.

Смешны и страшны обольщенья певца.
Он славит химеру, не чуя конца.
В никчёмном порыве живая свирель
Расходует кровь на картавую трель.

На этой вот улице мы и умрём,
Сорвав голоса под ночным фонарём.
Конец недосыпам и каторге дня.
Пусть новый безумец помянет меня.

1995

Чувством глубоким и словом возвышенным
Мира не ошеломишь.
Ужас милее сердцам обездвиженным.
В души глядит Тохтамыш.

Полно, любимая... Станем ли сетовать,
Плакать, что жизнь такова?
Будем, как встарь, о высоком беседовать,
В лад подбирая слова.

1994

Душе и долгу подчиняя тело,
Ты век свой в строгости прожить хотела, –
Чудесный, целомудренный обет,
Когда печальнице – онадцать лет.
А я гадал о Данте, о жестоком
Изгнанничестве, жребии высоком,
О растворённой намертво в крови
Пожизненной отвергнутой любви...

И вот развёрнут этот страшный свиток
Соблазнов, горестей, надежд и пыток,
И мы, склонясь над рунами его,
Молчим, не понимая ничего.
Гордись, кичись, насмешница-природа!
Мы здесь, в толпе. Мы – твоего прихода.
Крадет нужда, расчетлива, как тать,
Сверхчеловеческую благодать.

1996

Покуда длится чудо предпочтения,
Расслабленностью неба не гневи.
У самовитого местоименья –
Сомнительная партия в любви.

Коловращатель не тобою занят:
Он дарвинист, народник, семьянин.
Того гляди, с ревизией нагрянет,
Тогда и впрямь останешься один.

1996

ВИДСИД

(подражание староанглийскому)

Обошел я земли и страны,
Повидал я моря и реки,
Жил у франков я и у саксов,
У сикамбриев, у тюрингов
(то прошло – и это минует),
У халдеев жил, берендеев
И у скрелингов полудиких,
У аланов жил, алеманнов,
Висаготов и остраготов,
У бургундов жил, баюваров
(то прошло – и это минует),
У моравов над Волотавой,
Жил у муромы, жил у финнов,
И у сервов, и у дунабов,
И у белгов славолюбивых,
Жил у хельсингов и батавов,
Жил у кесаря над проливом,
У лонбардов длиннобородых,
У венетов жил над лагуной,
Жил у хебриев, жил у англов
(то прошло – и это минует),
А как молод был, жил у вендов
На краю Маркизовой лужи...
Всюду щедро меня дарили,
А потом дары отбирали.
Кривда в мире сменила правду
(то прошло – а это настало).

Бьют народы в тугие бубны,
Всюду рык стоит, гик и хохот,
Всюду сильный слабого гонит,
Всюду песен дар ненавистен.

1996

ПОЕЗДКА НА ДЖАРЫЛГАЧ

Как называется, спросил я, остров мрачный?

Ш. Б.

В автобусе трясло. На дряхлый пароходик
Пересадили нас. Зеленая волна
Текла и пенилась, жила своею жизнью,
Шептала горестно: – Медея... Митридат...
И жаркий небосвод, просторный и белёсый,
Нас обволакивал...

Оживлены,

Мы вглядывались в шелковую гладь,
Дурачились, прикладывались к флягам,
Толпились у перил...

Немолодая пара

Устроилась под тентом на корме
И из толпы весёлой выделялась
Сосредоточенностью друг на друге.
Из громкоговорителя неслись
Бряцанье струн и деланные хрипы,
А море расступалось, раскрывалось
И плавилось – и не желало знать
О суетных гостях своих мгновенных,
Вчерашних, в сущности, уже сегодня...

Мы разбрелись по острову. Купаться
Нам не велели. Кое-кто, разувшись,
Попробовал, не холодна ль вода,

Иные заходили по колено
В сандалиях и босоножках – дно,
Усеяно ракушечником острым,
Просвечивало сквозь живой кристалл
И будоражило воображение,
А третьи затевали пикники
Под рахитичной тенью, зыбкой, пыльной...

К пяти туристов созвала сирена.
Всех сосчитали, и число сошлось,
Но этой пары не было меж нами,
А их запомнили. Экскурсовод
Чесал в затылке, выкликал по списку –
И всё опять сходилось. На борту
Веселье как-то схлынуло, а море
Нахмурилось, свой изумрудный цвет
Сменив на серый...

Пустынный остров, голый, нежилой,
Растаял, как и появился, разом.
Тут странные припомнились слова
Из их сосредоточенной беседы.
Один услышал слово *окарина*,
Значения которого не знал,
Другой сказал, что речь велась про *вечность*,
А третьему почудилась *Цитера*
Или *Флоренция*, – а то и обе.
Их внешность, не приметная ничем,
Домысливалась и перебиралась:
В *ней* – что-то африканское нашли
(не то копну волос, не то улыбку),

В нем – неподвижный взгляд и отрешенность,
А в остальном всё было, как у всех:
Котомка да соломенные шляпы...

Недосчитались пожилых влюбленных...
Вот странно! Но – о чем тут горевать?
Здесь некогда и царства пропадали,
Не то что подозрительные пары...

Кто любит прошлое, тому привольно
В краю кровосмешения культур.
Он вспомнит скифов, готов, гонуэзцев,
Хазар, Тмутаракань, Бахчисарай –
А там, глядишь, и Русские Афины,
Их африканокудрого певца,
Вчерашний блеск, сегодняшнюю серость –
Да неумолчный шум иной волны,
Теперь уже воистину пустынной...

1996

Жизнь кончилась, а человек живет,
Обязанности честно исполняет,
Какую-то железину кует,
Какие-то идеи излагает.

И будущее грезится ему:
Успехи, наслажденья и доходы,
А между тем его несут во тьму
Незримые безрадостные воды.

1996

Волну и фотон возлюбил Господь.
Через миллионы лет
Как некогда луч превратился в плоть,
Так плоть обратится в свет.

От этих надежд замирает дух
И гордость возбуждена.
Уймись, моя боль! Помечтаем вслух.
Неужто мечта смешна?

Я ангелом стану... ах, нет, не я,
А непредставимый тот,
В ком точка фокальная бытия
Сиянием изойдет.

Как чудно! Окажутся ни при чем
Весь ужас, весь мрак, вся ложь.
Ты, сердце несчастное, став лучом,
В пространствах произрастешь.

Изгнанник из рая вернется в рай,
Где воля и мысль – смешны,
И светом, хлынувшим через край,
Страданья отменены...

1996

Висит хвостатая звезда,
Комета Хэйла-Боппа.
Блестит в хвосте ее вода
Всемирного потопа.

В земной небесный зоосад
Обхаживать светила
Четыре тыщи лет назад
Комету заносило.

Косматый скиф, этруск и галл
Не понимали неба.
Глупейший камень нас пугал,
Мы не едали хлеба.

Мы не умели дни считать,
Не говоря про годы, –
И было некому пытаться
Явления природы.

Еще четыре тыщи лет
Комета отмотает,
Взглянуть на мой простывший след
За труд не посчитает.

Влекума силой колдовской,
Прибудет аккуратно,
Когда убогий род людской
Растает невозвратно.

Как по часам она придет,
А на Земле безвидной
Рибозный плещется компот,
Кисель нуклеотидный.

1997

Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд.
Там небожители блаженные живут,
Молвою о себе юдоль переполняя.
У них и рост иной, у них и стать иная.
Кто видеть их вблизи сподобится порой,
Уж тот не человек, а греческий герой,
А те, кто лицезрел заоблачны чертоги –
Те избраны: от них родятся полубоги.

1997

Дружбы сторонится Аристид.
Некому его утешить в горе,
Поддержать на агоре и в ссоре.
Друг спасет. Но он же и польстит.

Нет, уж лучше одинокий путь,
Честный, неблистательный, бесплодный,
Долгом стиснутый, а в нем – свободный.
Некому нас будет упрекнуть.

Если звезды разуму не лгут,
Если в мире высший есть порядок, –
Совестью да будет хлеб наш сладок,
Вечности да причастимся тут...

Тяжко сердцу воли не давать,
Проще милостивым быть, чем гневным, –
Но зато и пир: о задушевном
С небом в одиночку толковать.

Так вот и в изгнание уйдешь,
Никого ни в чем не обвиняя,
Голову понуря, отстраняя
Дружбы упоительную ложь.

1997

Сладко уразуметь, как прядут и ткут...
Время перерождается, подхватив
Райским вратам двоюродный древний труд,
Шелковый этот, льняной, шерстяной мотив.

В Месопотамии или в Египте – там,
Прежде чем первый выкован был клинок,
Трепет священный по женским прошел перстам,
Волны и струны сошлись: побежал челнок.

Видно, и впрямь терпенью гений сродни,
И уж наверное ритмом песня жива.
Спеет, копясь, клетчатка долгие дни,
Жито и ткань приваживают слова.

Слаще вина процеженного глотка
Нежит шероховатое полотно.
Цевка – сестра цевнице, и жизнь – сладка.
Плещет в амбары собранное зерно.

Весел твой замысел, ткань живая, и прост.
Дням ли, тысячелетьям потерян счет, –
Тянется, тянется с неба серпанка звезд,
Крутится, вертится шар голубой – и ткёт.

1997

Твой ангел овдовел и просит подаянья.
Я мимо не пройду, ведь я богаче всех.
Вот, милая, возьми пушистый этот грех,
Ошметок беличий нездешнего сиянья.

Возьми – и позабудь, что это западня.
Податель милостыни – евнух идеала
И свойственник судьбе. Счастливее меня
Доселе существа на свете не бывало.

1997

ДЕНЬ ГНЕВА

Кинжал и яд, удар из-за угла –
Вот чем жила эпоха. Кондотьер
Не чаще умирал на поле боя,
Чем от руки подосланного *браво* –
И кем подосланного? Не врагом,
А нанимателем властолюбивым:
Прелатом, князем иль народоправцем.

Пишу – и вижу пред собой Бальдаччо...
Вот, чудилось мне, баловень судьбы!
Всем взял: и молод, а уже прославлен
Искусством полководца и отвагой
(он в этом никому не уступал),
Уже перед республикой заслуги
Имел он, был солдатами любим
И счастливо женат... Чего б, казалось,
Тебе еще? Стоит он, как живой,
Передо мной с учтивою улыбкой
На площади... Умен, добавлю, был.
Умен ведь тот, по мне, кто место знает
Свое – и о чужом не помышляет...

И с ним расправились за дружбу с Нери!
Что ж странного? Он – славный капитан,
А тот – глава владетельного клана.
Всяк знал, кому их давняя приязнь
Мешала спать и вены леденила.
Развязкою могла быть только смерть:

Решили, что держать его опасно,
И в десять раз опаснее – прогнать.

Но я имел в виду совсем другое:
Ореховое дерево в цвету,
Весну и пряный воздух флорентийский,
И молодость нескладную мою,
И женщину, что звали Анналена,
Жену Бальдаччо...

Предательски зарезали его:
Накинулись остервенелой сворой
На безоружного, в момент беседы
В палаццо Веккьо – и, еще живого,
Швырнули вниз, на камни мостовой...

Прослышав об убийстве, Анналена
Всё разом поняла, похолодев,
И словно бы предстала перед Богом.
Когда ее трехлетнего сынишку
Нашли задушенным в его постели,
Она не уронила ни слезы,
А лишь слова библейского пророка
Беззвучными устами повторяла:
– *О Господи, ты слышал голос мой...*

Она была из рода Малатеста,
Из Римини, – богата, хороша,
Не старше двадцати, – но с этой смертью
В ней всё навеки разом пресеклось,
Чем сердце связано с юдолью слезной.

Людей она не прокляла, хоть знала
Убийц по именам – и не со слов
Наушников, а просто все их знали.
Так жизнь была устроена: ничто
Игры страстей, как прочих сил природы,
В христолюбивом граде не стесняло.
Игра велась по правилам. Порядки,
Обычаи, установленья, нравы –
Всё было в мире жестко, неизменно,
Всё раз и навсегда заведено.
Свободу обещало только небо.

Дом Анналены стал монастырем.

Не раз под окнами ее часовни
Я слушал страшный гимн: *Тот день, день гнева,*
Ее чудесным голосом ведомый,
Потом подхватываемый другими
Со строчки *Mors stupebit et natura:*
Смерть и рождение оцепенеет.
О, всё и впрямь остановилось в жизни
Нездешней этой женщины...

Нездешней

Она была с младенческих годов.
Я обожал ее, когда был молод.
Уж тридцать лет прошло, как день один,
Я сам давно монах, святым Франциском
Напутствуем к вратам неотвратимым, –
Но и пекущемуся о спасеньи
Ее волшебных черт не позабыть...

Мне было девять, восемь – ей, когда
Я понял, что на всей земле обширной
Нет и не будет существа роднее
Мятущемуся сердцу моему.
Она преображала строй планет,
Когда улыбкой встречных осеняла,
И люди говорили про нее,
Что имя ей – Дарящая Блаженство.

Что плоть убогая? Сегодня персик
Ланиты дев, а завтра – лист осенний.
Но Аннелену старость, пощадив,
Чуть тронула: она и в пятьдесят
Светилась изнутри чудесным светом
Неизъяснимым...

И в миру, я помню,
Была она строга и нелюдима,
В монашестве ж – давно. Только раз
Ее за стенами монастыря
Я видел – у Дуомо, в день пасхальный, –
И странной удостоился беседы,
Едва ли не кощунственной. Она,
Увидев скорбь в моих очах, сказала:
– О Воскресении Христовом нам
Возрадоваться сердцем надлежит,
Что ж мрачен ты? Ах да, ты знал Бальдаччо.
Поверишь ли? Я, что ни ночь, во сне
Его встречаю с маленьким Джованни.
Они вдвоем, рука в руке, стоят
На гравием усыпанной дорожке

И машут мне. Кругом – чудесный сад,
Дрозды поют, цветы благоухают.
Уж, верно, недалек счастливый день,
Когда навеки мы соединимся,
И теплые мальчишечьи ручонки
Меня обнимут...

1997

Куда как просто Фауста сыграть!
Теперь и бес для этого не нужен...
Жену молоденькую заведешь, на юг
Поедешь с нею – тешиться собою
Да ликовать, что время обманул.

Сентиментальные силки! Отыщешь
Подругу школьную – на долгий миг
Она покажется родной, желанной,
Единственной, которую любил
(а что любовь была другой, забудешь).

Края родные посетишь. В квартире,
Где протекало детство, бываешь,
В той комнате – с лепниной потолка,
С кариатидами поры модерна,
Что эркер украшали изнутри...

Или иначе: в тюбиках пузатых
Накупишь красок масляных, с шальными
Названиями, фанерку под палитру
Отыщешь, холст натянешь на подрамник
И кисточку в олифу окунешь.

Вот тут и дрогнет воздух – и отец
С вязанкой дров вернется из сарая,
У печки свалит мерзлые поленья,
Откроет вьюшку, и огонь весёлый
Начнет лизать волокна и смолу.

А мать на электрическую плитку
Щипцы для шестимесячной положит,
Под абажуром выкройку свернет,
Да и оставит всё, уйдет на кухню
Посуду мыть, с соседкою болтать...

Но нет, изображенье барахлит!
Малиновая кафельная печь
С каминной полкой, где дремал будильник, –
Растаяла. Старик встает с козетки
И входит в стену, а стена – течет...

Лишь ты один всё тот же, Гераклит!
Ты прав: река – не та... Река времен,
Вся корюшкой пропахшая и гнилью,
С последней льдиной, с чайкою на ней...
Ты прав: познание необратимо.

Вот удивил! Не на шестом десятке,
Мы на втором такое понимали,
А на шестом не верим, что старик
На полных десять лет моложе нас,
И в целом свете вышек не осталось,

И Мефистофеля не проведешь...

Река Тамесис в той земле текла.
У Цезаря отменно шли дела:
Он побеждал, как Цезарь побеждает.
Легионеры, опытные, крепкие,
Рассеивали варваров полки...
Что ж? Встать да чаю вскипятить. Светает.

К тебе, в твоём уютном тупике,
Когорты подступают налегке –
Сейчас тебя растопчут, обезглавят.
Смотри, уже мечи обнажены!
Опомнись, мертвым книги не нужны.
Очнись, с тобой безноса лукавит.

Задворками твой гений просквозил.
Не с ним ли милостыню ты просил?
Увы, лептон, убогая частица!
Провинциален варварский Парнас,
И этот Рим вселенский – не про нас,
И совестно в нем пыжиться и тщиться.

Катувеллаунов державный лев
Латиницу осилит, повзрослев,
И море стиснет лапою когтистой,
А степь сарматская пустым-пуста:
В ней ижица пасется да фита,
А хлеб не колосится золотистый.

В тепличном, асфоделевом раю,
У Стикса, Ойкумены на краю,
Вот-вот порвется ниточка живая,
И распадется твой четвертый Рим,
В котором Цезарь счастлив быть вторым,
А ты царишь, волнам повелевая.

1998

В канцелярии Бога
Все дела учтены.
Соискателей много –
Фаланстеры полны.

В одеянии белом
Ты явился на свет.
Согрешившему делом
Оправдания нет.

От желания злого
Тяжелее вина.
Осквернившему слово
И подавно хана.

Здесь играют в пятнашки.
Что ни день – западня.
Нет удачи бедняжке:
Запятнали меня.

Здесь мы всё переврали,
Всё сказали не так.
Верно, там, на хурале,
Обелится простак.

1998

Она отвечала на брошенный взгляд,
Что многое в те времена говорило.
Приятель по дружбе мне это сказал,
А я усмехнулся, надменно смолчал.
Отчетливо помню, как всё это было
Полжизни (с порядочным гаком) назад.

Вот странно! Совсем ведь не этим живешь,
И вдруг – словно путаный текст прояснится:
Всплывает, о чем и не спрашивал ты, –
И тут в пожелтевшие смотришь листы
И видишь: не читана эта страница –
И хочется книгу отправить под нож.

Приятель женился на той, что в меня
Была влюблена (не вполне безответно),
И дружба немедленно оборвалась.
Обида, любовь и советская власть
Откланялись. Дремлет бурлившая Этна,
На старом пожарище прут зелена.

Затянется ряской и та западня.
Уже затянулась. Кругов не заметно.

1998

Мы возводили Вавилон.
Среди его стропил
Один красив, другой умён,
А третий счастлив был.

Наивничали мы, цвела
Ребячливость меж нас,
И наши гордые дела
Не поражают вас.

Все наши звери – ДНК,
Квазары, Интернет –
Заняты вам издалека –
Что твой велосипед.

Вы одеваетесь не так,
Вас декольте смешат,
И мой бесхитростный пиджак –
Музейный экспонат.

Но день не сделался длинней,
Везувий не погас,
И вы не краше, не умней
И не счастливей нас.

1998

РОГ, ЧАША, СПИРАЛЬ

Явись, Пракситель! Раковине – жемчуг
И перламутр, а розе – аромат
И цвет верни, – и мы с природой квиты...
Но отчего так ноет и щемит?
И где оно: горячее дыханье
Неведомого... лепесток, блаженно
Отогнутый, и гул морской волны?

Я помню майский день, немного хмурый.
Поодаль южное лежало море.
Курортный город с розовой мечетью
В полуденной дремоте нависал
Над голым пляжем. Белое вино
Стаканами из бочки продавали.
Кричали чайки, пес бежал бочком.
Мы шли вдвоем у линии прибоя,
И спутница, внезапно наклонясь,
Рукою загорелой подняла
Кембрийское витое изваянье,
Моллюска галактическое лоно,
Спиралью свернутое...
С отбитым краем и в густой пыли,
Оно еще и цвет былой хранило,
И чувственным дышало. – Это чаша, –
Она промолвила, – и рог сатира,
И розы лепесток, и минарет –
Всё разом! ...– И глаза ее сверкнули.

Тогда ей было двадцать с небольшим.

Зато и уязвим, зато и хрупок
Молитвенный сосуд и нежный храм.
Он раскрывается навстречу ласке,
В нем солнце собрано, в нем дремлет время.
Неслыханной любви и совершенства
Вместилище, он ритму подчинен,
И будущим загадочным насыщен.

1999

Те двое никогда не разлучались
И были счастливы, твердит молва.
Под свастикой, в сороковые годы
Они свой век в Париже доживали...

Разлука долгая с любимым человеком –
Другая степень счастья. Эпос в ней,
Собою полнясь, в зеркальце глядится
Лирическое – и высокий храм
Над бедной повседневностью возводит.
Ты трудишься для будущего. Радость,
Как спящая красавица, забылась
Столетним сном, она себя не помнит
И пребывает в грезе мировой.

Всё это в толк сейчас возьму – и сяду,
И напишу банальное письмо.
– Уж месяцы, – я напишу, – родная,
В разлуке мы. Я очень одиночек.
Скучаю. Старюсь. Пью амонтильядо.
Затворничаю, сторонюсь людей,
Скуплюсь, копейки жалкие считаю,
Немногим артистическим друзьям
Внушая ужас, если не гадливость
(о женщинах и вовсе промолчу).

Не часто, но гуляю. Англичане
Умеют парки разбивать. В них белки
Почти ручные. Всадницы в аллеях
Гарцуют весело, воздушный змей
Под облаками пляшет – и не мальчик,
А зрелый муж рукою знатока
Его полетом важно управляет,
Другой несёт к пруду модель фрегата
С оснасткой правильной, – меж тем как я
Под мягкий шум велосипедных шин
Бреду, припоминая нашу встречу
Воображаемую – ту, что станет
Вершиной жизни...–

Что творит разлука!

Очищена от немощи мечта –
И вечное в минутном проступает.
Духи, помада или дым табачный
Не искажают облика души.
Свободная от времени, от пыли,
От слабостей и горестей людских,
Она парит, и скудная реальность
Неловким словом счастья не спугнет, –
И не увидит пошлый соглядатай
Мою богиню с носовым платком.

Пигмалион – разлуке долгой имя.

Случайное художник даровитый
Отсеивает, важное – лелеет,
Вынашивает, пестует – и счастьем
Считает. Такова же и она.

Решусь, пожалуй, молвить и другое:
Елена и Людмила хорошеют
В чужих стенах, в плену. Парис и Черномор,
Как рифма, замыкают совершенство.
Без них и жизнь невнятна, и сюжет.

1999

Жизнь мельчает – и, знаешь ли, это
Хорошо... Устаёшь искушать
Колдовство хартфордширского лета,
Незаслуженным счастьем дышать.

Меж дубов, тополей, ежевики,
Черепичных темнеющих крыш
Происходят душевные сдвиги,
Что не в первый момент различишь.

Смысла жизни искал ты, трудился,
Купола к небесам возводил,
Что ж теперь не у дел очутился,
Словно кто-то тебя пристыдил?

И советчица, та, что копила
Дни твои, – даже та не слышна.
Оттого ль и убрали стропила,
Что теперь уж за дверью она?

Но зато – ни соблазнов кромешных,
Ни обид... Осеняют твой кров
Черный дрозд и скворец-пересмешник,
Обитатели здешних краев.

1997

Умрём – и английскую станем землёй,
Смешаемся с прахом Шекспира,
Навеки уйдём в окультуренный слой
Прекраснейшей родины мира.

Флит-стрит благодарной слезой напою.
В насмешку предавшей отчизне
Мы счастливо прожили в этом краю
Остаток погубленной жизни.

Обиды забудем и злобу простим
Малютам ее туповатым, –
Да всходит на острове злаком простым
Кириллицей вскормленный атом.

1995

Н. Б.

Или влюблён, иль беден – одно из двух.
То и другое мимо – стихам конец.
Жалок самодовольный. Мельчает слух.
Золото жухнет. Тает его венец.

Тем и другим дарит счастливец судьба.
Редкостная удача, одна в сто лет.
Этот кричит: наука! другой: борьба!
Третий с рулеткой дружен. А ты – поэт.

1999

ОДНОКЛАССНИКУ

И. З.

К тебе, о князь наук, к тебе, Зевес Зельвенский,
Из милой Англии глубинки деревенской
На финских чартерных тащусь перекладных,
Французским коньяком подхлестывая их.

Мне долгий разговор мечтается о многом:
О том, чем стали мы под неусыпным оком
Судьбы, в ее садах, не баловавших нас,
Где дремлет твой Лаплас, пасется мой Пегас.

Мы полных тридцать лет не виделись с тобою.
Изрядная скрижаль испещрена резьбою,
Но хоть и пышными легендами полна,
А сыщутся на ней и наши имена.

Припомним школу мы – ту, 52-ю,
Враждебную стране, где нынче квартирую,
Советским кумачом да строгим Ильичем,
Где всё же чувствовалось: это – ни при чем.

Важнее вставочки, поваленные парты,
Онегин, H_2O и контурные карты,
Большой проспект, река, веселый майский день,
Косичка с бантиком, фуражка набекрень...

И ты, я думаю, признаешь: мы – оттуда.
У счастья нашего шальная амплитуда,

Поскольку девять муз водились в том краю
И нам нашептывали истину свою –

И в классных комнатах она перебродила.
Как хочешь: что-то ведь особенное было
В деревьях и камнях тех дней! благая весть?
Иль Золушка в слезах язычествуется здесь?

Я родиной моей не назову Россию.
Язык мне отчий дом. Вошла в его стихию
Европа с кляксами младенческих чернил.
За Пушкиным Гюго меня воспламенил.

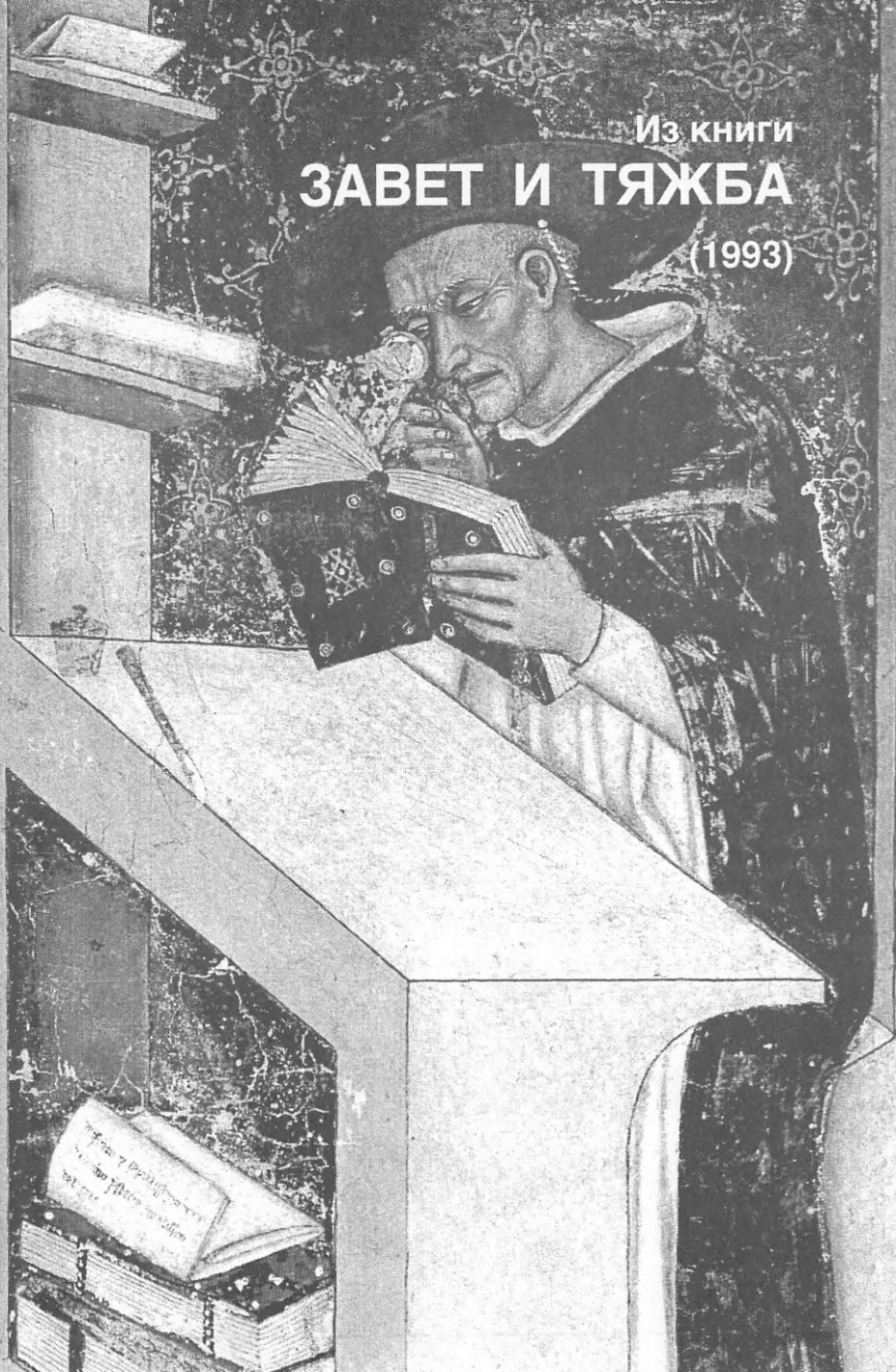
Не враками и ты увлекся, но пространством
Алгебраическим, живым картезианством
Значений пристальных, аттической игрой,
Где дух главенствует, а торжествует – строй.

И славно, что молва о нас оповестила
Околицу небес. Мы, вольные светила,
Кометами меж звезд блуждаем и планет,
Но в этой жизни нам еще не скучно, нет!

Из книги

ЗАВЕТ И ТЯЖБА

(1993)

Грустно шотландцам. История не удалась.
Жемчуг творительный родина подрастеряла.
Всё чемпионам досталось: и воля, и власть.
Не восстановишь таинственного матерьяла.

Юности гений даётся народу лишь раз.
Дик он и страшен, а делает верное дело.
Пусть и обида забыта, и рана срослась –
Не воскресишь Александра: душа оскудела.

Я в Эдинбурге осеннем недавно бродил:
Людям невесело и в суете фестивальной.
Один заоблачный квёлый свой лик обратил
К траченным немочью стогнам
отчизны печальной.

1992

ВОСЛЕД ЗА ПЕРСЕФОНОЙ

1

За топкой, на Адмиралтейской шесть,
Оставил я автограф мой в бетоне,
Дыру в стене заделав: след ладони.
В нем жизнь моя – да некому прочесть...

В тот год последняя сгустилась мгла,
И, полнясь жертвенностью отрешённой,
В котельные, вослед за Персефоной,
Камена петербургская сошла.

Там, под имперской правильной иглой,
Опальные поэты, в заливчатской
Ревнивой обездоленности братской,
Подвал одушевляли нежилой.

От входа *обмуровкой* скрыт на часть
Был круглый стол, и кресло раскладное
Стояло, время праздная дневное,
Запретным ложем к ночи становясь

(уставом спать не разрешалось). Там,
В зловонной утопической юдоли
Так обреченно грезилось о воле...
И рок отсчитывал дежурства нам.

2

Мне чудилось: я Молоху служу.
Гудело пламя, стоны раздавались,

Танцовщицами стены покрывались,
Гигантские фигуры Лиссажу

Сливались в изнурительной борьбе,
На рыхлых стенах, грязной занавеске
В живые претворялись арабески
И пропадали в *отводной трубе*.

Сова садилась на *байпас*. Геккон,
Подслеповатый красноглазый ящер,
По кафелю, цивилизаций пращур,
Отвесно шёл, к сознанию устремлён...

Язычество – я это признавал –
Меня готовит к жертве ритуальной...
Но тут являлся сменщик мой печальный,
С клюкой и книгой заходил в подвал.

Бывало, сядет, старый краснобай,
Зевнет, щепотку соли в топку бросит
И, чуть займётся натрий, зверя просит
(как те поляне): – Боже, выдыбай!

3

Вот случай свел троих. Один с утра
Хлебнул – и треплется в пылу счастливым.
А двое, в сговоре нетерпеливом,
Молчат и ждут: когда ж тебе пора?

Вот мать и дочь. Девчонке нет восьми,
Ей весело у топки раскаленной.
А женщина бледна. Конверт казенный
Протягивает, говорит: – Возьми...

Вот карбонарий. Ровно через год –
Барак, позёмка, пермские раздолья.
Шепнуть бы гордецу, что и неволя –
Не только честь, порой – наоборот.

А этот гость – на нём уже печать
Разлуки вечной и такой внезапной,
Лицо аскета, трепет неослабный
В глазах – и как я мог не замечать?

Теперь они все вместе, у огня
Другого, у другой реки державной
Сошлись в кружок – оплакать этот давний
Вертеп, в судьбе несбывшейся родня.

4

На площади Святого Марка, у
Столпа бескрылого (был зверь в починке), –
Вот где живые всплыли вдруг картинки:
Закут увидел я, лежанку ту.

Над Арно, где, слезу смахнув тайком,
Входил впервые я под свод Уффиций,
Душа опять на миг взметнулась птицей –
Куда? Туда, под крышу с гусаком.

Баварский мюнстер, что о двух главах
(и обе луковкой), Пинакотекa
(где Лукас Кранах чудный и Эль Греко),
И вдруг – задвижки масляный желвак.

Шекспировская труппа, Барбикан,
Крут горб у Ричарда, но круче норов, –

На то и Йорк! А рядом – *главный боров,*
Запорный клапан, роторный стакан...

В котельной, на Адмиралтейской шесть,
Как, помню, мы боялись ностальгии!
Теперь пускай потешатся другие.
И кто всё это сочинил?! Бог весть!

5

Урания, уж точно, не у дел
Была у нас, мыслителей гонимых.
Содомский столп, беды размытый снимок
Воображеньем взвинченным владел.

И то сказать, прелюбопытный век
Нам выпал: небо миской заслонили,
Историю указом отменили,
Чуть кто почешет за ухом – побег!

Уж тут отчаешься... Под Рождество
Сидит у нас компания, случилось,
Большая. Половина причащалась,
Но и другой не чуждо торжество.

За окнами – январская капель,
Во двор со звоном рушатся сосульки,
А тут – страда: Бахтин, Леонтьев, Рильке,
Закат Европы, Нострадамус, Бёлль...

Случалось, пили. Что тут скажешь! Тьма
И пламя, храм роднящие с таверной,
Одушевляли этот быт пещерный.
С руки его кормила Колыма.

– Веди и помни! – вот ее слова.
Сперва лугами шли, и асфодели
В пятне лампы сухо шелестели,
Как на земле – опавшая листва.

Лепные нависали потолки.
В стоустом сталагмитовом подвале
Дышала магма, монстры пировали.
Потом пошли забои, рудники.

И вот забрезжило. Сюжет велит
Всё позабыть, в истерике забиться.
Тут выручит – горчичная крупица,
Зерно гранатовое исцелит.

В двойной ограде сей уста певца
Деревьям и камням служить не станут,
Их ящеры и птицы не обманут,
Лукавый зверь не выманит словца.

Вожатый встанет и продолжит путь.
За милой – штольни страшные сомкнутся.
Теперь пора: тот волен оглянуться,
Кто мученицу к жизни смог вернуть.

ИВАНОВА НОЧЬ

Косарь выходит засветло. Заря
В просторных складках опадает в травы.
На длинной жерди за его спиной
Коса поблёскивает щучьей сталью,
Отбита и наточена бруском.
В лугах и рощах шорохи ночные
Полны значенья – он их различает.
Он чует запахи. На змей и жаб
Ногою осторожной не наступит.
Он слышит, знахарь, искусненным ухом
Свирель: *сквозь мглу восходит злак челом.*
Несметные былинки, прозябая,
Поют в свои коленчатые трубы,
Обильною росой упоены.
Проказы нежити ему не внове:
С болота кличет выпью водяной,
И леший ухаёт в ответ совою, –
В ночь на Купалу им – раздолье... Путник,
Поёживаясь, ускоряет шаг.

Очнулись звезды. Вespera кристалл
Над папоротниками заблестал.
Светил – в избытке. Бродят светляками,
Освободясь от барщины небесной,
Мерцающие шальные огни.
В низине он садится на колоду
И ждёт, шепча молитвы и крестясь.
Часы бегут. В созвездье Водолея

Луна условной колеёй вступает.
Теперь пора. В ладони поплевав,
Он начинает свой урок полночный.
Коса идёт свободно, широко.
Люцерна, клевер, лютик, молочай,
Куга, осока мерными волнами
Под правленое лезвие ложатся.
Туман ползёт с болота. Ровно в полночь
Кричит сипуха. Срезав тонкий хвощ,
Коса ломается. На стебле странном,
При тлеющей гнилушке наклонясь,
Он различает красный, небывалый,
Разящий и дурманящий цветок.

Работа кончена. Костёр горит.
Крест, связанный из двух валежин, крепко
Волхва от любопытных ограждает.
Ночь улюлюкает и стонет. Искры
Выхватывают за чертою круга
Завистливые, блеющие маски,
На миг сгущающиеся из мрака,
Чтоб тут же и рассеяться. Возня,
Шнырянье слышится неплотных тварей
И сетованья: – Не уберегли...

Светает. Нечисть выдохлась. Костёр
Потух. Кулик неподалёку плачет.
Вещун идёт домой. Тринадцать лет
Косил он заповедную ложбину,
Двенадцать раз ни с чем Иванов день
Встречал в кустах багульника и травах.

Преобразилась местность. Не узнать
Былых угодий. Молодость прошла.
Надежды схлынули. Взошел подлесок.
В его лице – ни тени торжества.
Давно соблазны отстранив мирские,
Кладоискатель, он не хочет злата,
Любви и славы, власти и возмездья,
Ночного зелья в кузницу не бросит
И снадобьем не злоупотребит.
Покой и воля – вот его добыча,
Единожды дающаяся в руки:
Клад редкостный, несметный, баснословный.
Сегодня он обрёл его навек.
С заветной ладанкою не страшны
Людские узы, козни и заклятья.

В свой на отшибе выстроенный дом
Он драгоценную находку вносит,
Между шалфеем, зверобоем, мятой
Ее кладёт – и москательный дух
Перешибается живым и пряным
Дыханьем ночи, тайны и свободы.

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

ЛЮБОВЬ

(Из ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА, 1593–1633)

Любовь объятья мне раскрыла – в страхе
Отпрянул я: лежал на сердце грех.
Ужель душе, коснеющей во прахе,
Вкусить Любви возвышенных утех?
Но та, что руку мне дала, спросила
С участием: – Что грудь тебе стеснило?

– Не мне, – воскликнул я, – твои лобзанья!
Неблагодарный пес, убогий тать,
Дерзну ли очи на тебя поднять,
Алкать посмею ль твоего внимания?
Но та, кем наполнилась душа моя,
Промолвила: – Кто судит, как не я?

– Ты в помраченьи! Совесть, о Создатель,
Гнетёт меня. Позволь забиться в щель!
Но та в ответ: – Не я ли твой предстатель?
Твою беду пресуществить не мне ль?
Сядь и отведай моего вина.
И я послушался – и пил до дна.

(1994)

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

(Из П. Б. ШЕЛЛИ, 1792–1822)

Струе источника любезны воды рек,
А рекам – океан безбрежный;
Ветра небесные сплетаются навек
В порыве ласки нежной.
Ничто в отдельности не хочет пребывать.
Всему положено судьбою
Родниться, смешиваться, брать и отдавать, –
Зачем не нам с тобою?

Не втуне ведь Монблан целует небеса,
И две волны, обнявшись, мчатся.
Цветку волшебному бесстрастная краса
И холод – не простятся.
Светило днёвное Земле лобзанье шлет,
Луною – шумный понт волнуем,
Но и любовь планет законность обретет
Лишь с нашим поцелуем.

(1997)

ПОКОЙ

(Из У. Г. ДЭВИСА, 1871–1940)

Не чудно ли свернуть с привычного пути?
Отринуть суету, под сень листвы войти,

Помедлить, поглазеть, на миг с природой слиться,
С рекою, с пастбищем покою причаститься,

Увидеть, как с ветвей бежит пушной зверёк
В траву, где он к зиме орехи приберег,

Как звездами ручьи средь бела дня играют,
Как пританцовывая девушка шагает

Тропинкой луговой: глаза ее блестят, –
Неужто на ее не обернёмся взгляд,

Который милою лукавинкой искрится,
И не дадим устам улыбкой озариться?

Неужто наша жизнь и вправду так бедна,
Что этого всего не ведает она?

(1995)

АТАКА ЛЁГКОЙ КАВАЛЕРИИ

(Из АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА, 1809–1892)

Долина в две мили – редут недалече...
Услышав: – По коням, вперёд!
Долиною смерти, под шквалом картечи
Отважные скачут шестьсот.
Преддверием ада гремит канонада,
Под жерла орудий подставлены груди –
Но мчатся и мчатся шестьсот.

Лишь сабельный лязг приказавшему вторил.
Приказа и бровью никто не оспорил.
Где честь, там отвага и долг.
Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен.
По первому знаку на пушки в атаку
Уходит неистовый полк.

Метёт от редута свинцовой метелью,
Редеет бригада под русской шрапнелью,
Но первый рассеян оплот:
Казачи, солдаты, покинув куртины,
Бегут, обратив к неприятелю спины, –
Они, а не эти шестьсот!

Теперь уж и фланги огнём полыхают.
Чугунные чудища не отдыхают –
Из каждого хлещет жерла.
Никто не замешкался, не обернулся,
Никто из атаки живым не вернулся:
Смерть челюсти сыто свела.

Но вышли из левиафановой пасти
Шестьсот кавалеров возвышенной страсти –
Затем, чтоб остаться в веках.
Утихло сраженье, долина дымится,
Но слава героев вовек не затмится,
Вовек не рассеется в прах.

(1993)

Юрий Колкер

Ветилуя

Стихи, написанные в Англии

Редактор А. Н. Жигинский
Верстка И. П. Каспари

Изд. лицензия № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 15.02.2000. Формат 84 x 108^{1/32}
Гарнитура Arial. Печ. л. 6,5.

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»,
СПб., В.О., 1-я линия, д. 28.

В моей литературной судьбе было, собственно говоря, только одно событие: в 1970 году я осознал себя консерватором. Новизна, всеми вокруг превозносимая, внезапно потеряла для меня всякую ценность, и я решил этого не стыдиться. Я понял, что хочу не оригинальности, а точности и естественности – и что отныне никто не сможет изгнать меня из моего *строгого рая*. Естественность я понимал как следование традиции, а не природе.

Было мне тогда 24 года. Стихи я сочинял к этому времени уже 18 лет – и вот отбросил все прежние опыты и начал *всё сначала*.

До 1984 года я жил на берегах Невы, последующие пять с половиной лет – в Иерусалиме, а с конца 1989 живу в Лондоне. С 72-го по 75-й год мне удалось несколько раз опубликоваться в советских журналах. В 1981 году мои стихи самотеком попали на Запад и были напечатаны в Париже. Незадолго до этого я из научных сотрудников ушел в кочегары.

Ветилуя – пятая публикуемая книга моих стихов. До этого вышли: *Послесловие* (Иерусалим, 1995), *Антивенок* (Иерусалим, 1997), *Далека в человечестве* (Москва, 1991), *Завет и тяжба* (Петербург, 1993).